

Дополнительные показания закл. М. Бухарина.

В 1933 г. я поехал в отпуск в Северную Киргизию, на Тянь-Шаньский хребет, при этом поездом был в Ташкенте и в Фрунзе. Уехал я в отпуск, предварительно давши согласие на созыв конференции правых и одобряя, вместе с другими участниками правого центра, основные установки Т.ч. рютинской платформы, о чем я подробно говорил в своих предыдущих показаниях, данных мною следствию. В Ташкенте я прожил некоторое время на квартире А. Укранина и, если не ошибаюсь, несколько дней на даче ЦК Узбекистана, куда меня отвозил А. Укранин. Последнего я давно знал, ибо он был еще одним из моих слушателей в Свердловском университете в старые (относительно) времена. Как раз в данный период, т.е. ко времени моего преподавания в Ташкенте, в Казахстане (не в Узбекистане), благодаря голодовочной политике Толочеккина, было массовое разорение казахов, чрезвычайная смертность, голодовка, и толпы беженцев шли из Казахстана, куда глава шедет, в том числе в Узбекистан, и в частности, в Ташкент. В связи с этим являлись, которое, как факт, было у всех на устах, у меня с Укранином и начались политические разговоры, от обмена белыми реляциями до более глубоких бесед. При этом Укранин, возмущаясь политикой Толочеккина, в более мягкой форме касался общепартийной линии, политики партийного руководства, высказывая ту мысль, что одно не может быть оторвано от другого, и что, следовательно, в самой линии партии есть органический порок, раз она в таком объеме приводит к столь губительным результатам: из Толочеккина, мол, отвечает Политбюро.

Я, с своей стороны, не только не возражал Укранину, но продолжал развивать эти мысли и обобщать их и в общей форме, в конце концов, рассказав Укранину об установках правого центра. Подробно я, помнится, не говорил, так как все же не знал Укранина столь близко, а, с другой стороны, по всем его высказываниям мог сделать заключение о том, что он в основе своих взглядов придерживается правой ориентации.

На обратном пути или в следующем году — я теперь этого не могу вспомнить — Укранин, между прочим, упоминал о правой ориентации Раизумов — Ходжаева, хотя находил его чрезмерно правым и не скрывал своих лично неприязненных отношений к Раизумову, как человеку, сделанному из другого теста. Такое рода личные отношения, однако, не мешали их договоренности в основных политических вопросах. Мне вспоминается, что в этом же контексте он, кажется, говорил о Зеленском, которого к тому времени уже не было в Средней Азии (говорил он о нем, следовательно, в прошедшем времени) и о Коль-То из крупных националов, может быть, о Рокичове. Упоминал также о Цехере, как своем единомышленнике.

Я сказал Укранину, что центр тяжести работы правых должен быть в вербовке кадров, с тем он согласился, считая, что это дает ему возможность широко оперировать на этом фронте. Подробностей я не интересовался, т.к. рассматривал Укранина достаточно квали-

мифический фигурой, которая сама может сообразить, как и где. Икрамов обещал заехать к мне в Москве, но, однако, не заходил. Я, с своей стороны, должен был заехать к У., если буду в Машхенге. Икрамов обещал мне доверительную политико-организационную договоренность (согласие Икрамова с рижской партией, свержение руководства НКВД) с выполнением националистического плана; подбор кадров, у Икрамова много было упомянутых лиц, о которых говорил Икрамов, а не только других фамилий, но и фамилий у него я никого, насколько вспоминаю не видел, но даже еще ЦК давал разные наряды, но фамилий я не помню.

В Фрунзе, на даче ЦК (ев. Кирлизи, где я пробыл пару дней, но вечерами давали игры (бильярд, бильярдные дураки и т.д.) и приезжали национально-киривы, в том числе был и Абдуррахманов. С Абдуррахмановым у меня не было разговора, но он был настроен враждебно-отбывнически, как-то точно я не могу сказать. Вскоре он был арестован, как я от кого-то слышал, в связи с найденными у него дневниками Троцкого с содержанием - так ли это, я не знаю. Когда я возвращался с Тянь-Шаня и ехал снова через Фрунзе, во Фрунзе приехала комиссия ЦК, во главе с Анфиловым, вместе с которой приехал Бауман. Мы ехали однажды вместе на работу, но политических разговоров здесь не было: Анфилов не был в единственном числе, а его миссия не расспрашивал, но как будто его приезд имел какое-то отношение к делу об Абдуррахманове.

Мне известно было также, что в это время во Фрунзе был правитель А.П. Смирнов ("Ром"), но я с ним не виделся. Возможно, что он, с своей стороны, виделся с какими-либо националистами.

В 1936 году я ездил в отпуск и на Тяньшань, и в Северную Киргизию. Ехал я снова через Машхенг. На этот раз я не мог остановиться у Икрамова, так как он до моего приезда в Машхенг въехал оттуда в отпуск в Сочи или еще куда-то, к чему я послал на его имя телеграмму (из Москвы) о своем приезде. Получил ли он эту телеграмму или нет, я не знаю, так как вообще его не видел (за исключением племянника ЦК, с которым я был взят). Меня отвезли на даче упоминавшегося мной дачу ЦК Узбекистана, под Машхенгом, где в то время был один из секретарей ЦК Узб., Цехер.

Оттуда я ездил на дачу или на два в одно курортное местечко, Тимган, где живут летом ответработники. Там были в то время и Ф. Ходжаев, который, узнав о моем приезде, пригласил меня на обед. Был я у него, если не ошибаюсь, дважды, и в одно из этих посещений имел с ним довольно длительный разговор.

Разговор этот имел три оси, если память мне не изменяет:

- 1. Я рассказывал о своей таджикской поездке,
- 2. теоретизировал насчет problems Европа-Азия,
- 3. беседовал о политике.

Два первые пункта для следствия не представляют интереса: это был разговор

на тему о кризисе капиталистической культуры, о восточных внешностях (Индия, арабы, тай), о тибетско-индусской медицине, об истории с точки зрения национальных культур 7.д., всё в Тегеранском разрезе и в основном историческом плане.

Но что касается третьего пункта, то я должен прежде всего заметить, что с Райзули Ходжаева я вообще говорил первый раз в жизни. Я, разумеется, знал его лично-партийно, знал его достаточно по линии разведки в Азии вообще и 7.д., знал, наконец, со слов Аки. Умарова о его настроении (см. выше). Но сам я более или менее серьезно встретился с ним первый раз и поэтому не мог пускаться в особые откровения. Поэтому с моей стороны выступление платформы правых носило исключительный характер и в тоже время достаточно конкретный. Если я не ошибаюсь, речь шла о мощных развернутых содвинутых, о массовых борбах и 7.д. без названий вещей своими именами, хотя по сути превращалась и могло быть составлено себе представление, о чём шла речь, как о перспективе. Ф. Ходжаев, с своей стороны, катил на тенденцию независимости. Я легко выражал, говорил лишь о гарантиях более свободного подбора национальных кадров и 7.д. Тем не менее, повторю, ~~был~~ общий слух был, в конце концов, найден, и много была обещана поддержка аспирации Райзули. Поэтому уместно здесь говорить об ортабзапотно-политической сессии.

После этого я уехал на Памир и вскоре должен был оттуда вернуться из-за болезни своего спутника, С.А. Педросса. Ехал я снова через Ташкент, но здесь видел только Цехера, во Фрунзе говорил по телефону с Белухиным и уехал на Иссык-Куль. Там видел предводителя Саксева (или Исаксева), о политике с ним не говорил, а на обратном пути я страшно спешил и вылез из Ташкента на самолёте, снова увидав только Цехера.

Что касается того последнего, то он держался со мной осторожно, а я с ним вообще впервые познакомился. Однако, из его разговоров в тот период, когда я останавливался на даче Цх. Уб., мне было ясно, что он - ближайший человек Умарова, фигура, по партийной линии идущая прямо и непосредственно к нам, Умаровым.

Таким образом, из лиц, кои в той или иной мере относятся (кроме меня самого) к радикальному вопросу, следует назвать:

Умарова,
Ф. Ходжаева,
Абдурахманова(?),
Земского,
Раскулова,
Ангинова,
А. Смирнова (Голу?),
Цехера.

М. Бухарин.